

КОНТРАЗВЕДКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И СРАЖАЮЩИЕСЯ СОЛДАТЫ

Как я старался показать в предыдущих главах, шпионская работа разветвляется на целый ряд систем. Война сделала не состоятельной старую трафаретную теорию, согласно которой разведчик должен оперировать либо в нейтральной стране, либо позади неприятельских линий.

Война с ее гигантскими потрясениями создала и для германцев, и для союзников много новых видов шпионской работы. Каждый генеральный штаб знал, что пленники будут и что между ними всегда найдутся такие, которые будут говорить. В военной истории этот прием разведки применялся давно.

Особая тактика немцев давала иногда временные и очень дорого стоящие успехи Фалькенгайну, Людендорфу и Гинденбургу, но нападение не дало ни одной решительной победы.

После выхода России из союзной коалиции германцы имели определенное превосходство над союзниками во Франции. Но вмешательство Соединенных Штатов дало снова перевес союзникам. Для германцев не было выбора. Они должны были победить теперь или никогда.

Наша контрразведка напряженно работала. Мы знали, что Людендорф перебросил с русского фронта на западный миллион человек и три тысячи пушек. На оккупированной территории в большом обилии появились свежие войска. Людендорф и фон-дер-Шуленбург организовали большое наступление. Но когда и где должно было оно начаться?

По плану германцы должны были сперва напасть на англичан и разгромить их армию, а потом разбить французов.

Перед первой большой атакой 21 марта 1918 года наша контрразведка была предупреждена о предстоящем наступлении многочисленными траншейными налетами в глубь передовой зоны наступающих войск. Кроме того, получалась ценная информация из внутренних источников и от людей, которых мы спускали с самолетов позади неприятельских линий.

Работники всех секторов контрразведки, работники нашего летучего отряда, а также и рядовые солдаты докладывали о необычайных передвижениях неприятельских войск. Массовые движения войск далеко за линией фронта, войска на железных дорогах, новые аэродромы, склады военного снаряжения, больницы и полевые лазареты — все это тянулось длин-

вой линией, идущей от фронта по ту сторону театра военных действий.

Наши специально отобранные люди совершали ночью набеги на германские передовые окопы и возвращались со сведениями, которые подтверждали имевшуюся уже у контрразведки информацию.

Ожидали гигантских и кровавых сражений.

Британский генеральный штаб предупредил французский, что следующий удар будет направлен против Энского фронта.

В доказательство того, что я говорю, мне достаточно привести выдержку из книги «Мировой кризис» Уинстона Черчилля.

«26 мая 1918 года ранним утром французы захватили в плен двух немцев. Один был простым солдатом, другой — офицером-аспирантом. Они принадлежали к разным германским егерским полкам. По дороге в штаб дивизии пленные разговаривали со своими конвоирами. Солдат сказал, что намечается наступление, офицер это отрицал. Когда пленников привели в контрразведку корпуса, их допросили порознь. Первым был допрошен офицер, который оказался словоохотливым. Он сообщил, что германцы не имеют никакого намерения произвести атаку на этом фронте.

Потом допросили солдата. Он заявил, что, по мнению солдат, будет атака в эту или в следующую ночь. Он не уверен относительно точного срока. На повторные вопросы он ответил, что в германских частях уже роздали патроны и гранаты, но еще не дали полевых пайков. Вчера он видел около своей казармы солдат, принадлежавших к гвардейским полкам. Это все, что ему известно.

Потом снова позвали офицера. Ему сказали, что законы войны вовсе не обязывают его говорить, но коль скоро он сделал добровольные заявления, то будет за них отвечать. Давать ложную информацию — значит поступать как шпион. Это привело допрашиваемого офицера в явное замешательство. После усиленного допроса он сообщил мельчайшие подробности подготовлявшегося наступления, которое должно было начаться на следующий день.

Было уже 15 часов 26 мая.

Объявили тревогу. Все войска перешли на свои боевые позиции.

Французский генеральный штаб заседал всю ночь, удрученный ожидаемым ударом.

На следующий день, в час утра, германская огневая завеса прорвалась на фронте на протяжении 30 миль, а три часа

спустя 18 немецких дивизий были брошены на 4 французских и 3 английских дивизии».

* * *

Эта книга имела бы большой пробел, если бы я не рассказал ещё об одном ловком ходе контрразведки. Во время войны наши генералы произвели много выдающихся военных операций, в которых тайна была существенным элементом успеха.

Применение танков явилось торжеством хорошо сохраненной тайны.

В течение некоторого времени танки буквально парализовали врага. Неожиданность появления этого оружия была для немцев настолько потрясающей, что если бы танк тогда имел более совершенную конструкцию, то союзные армии, наверное, могли бы немедленно приступить к победоносному окончанию войны.

14 октября 1914 года 7-я дивизия готовилась занять позиции напротив Ипра.

Генерала Роулинсона волновал вопрос о численности германских сил, которые двигались на нас из Антверпена. Но неожиданно утром в двух милях от города был подбит немецкий самолет и два германских летчика были взяты в плен. При них нашли ценную информацию относительно намерений и тактики продвигающихся германцев. Их допрос оказал нашей контрразведке большую помощь, предупредив фронт о постепенно надвигающейся грозной опасности.

Превосходство информации о неприятеле в сочетании с великолепным героизмом наших солдат позволило нам сдержать, отпарировать и, наконец, остановить навсегда стремление германцев к портам Ламанша.

Главным смазочным маслом для механизма оперативного отдела была информация о неприятеле.

Выдающийся писатель Фредерик Морис передает замечательный рассказ об одном великом английском солдате. Не могу не привести на этих скромных страницах одно очень важное место из рассказа Мориса:

«Это было трудное и запутанное дело: выстроить 14 дивизий пехоты, 3 дивизии кавалерии, свыше 10 тысяч пушек и 450 танков на десятимильном фронте, не подавая врагу ни малейшего намека на выставленные силы.

Внезапность была сущностью подготовляемой операции, и лишь один случай из ста мог раскрыть тайну. Все хранили этот секрет. Как германский генерал Людендорф согнул линию нашей 5-й армии (я подчеркиваю слово «согнул»), так

поступил Роулинсон с «превосходством информации его контрразведки»: он сломил навсегда силу неприятельской инициативы на Западном фронте. В последний и последний раз союзная разведка победила германское командование.

Каждая мелочь была методически обдумана. Офицеры контрразведки, разъезжавшие на мотоциклах, и кавалерия были снабжены топографическими картами, специально для них составленными. Приказы были ясны.

«Всегда старайтесь застигнуть неприятеля врасплох. Старайтесь добыть всякую информацию о нем».

«Проникайте в его бригадные, дивизионные и корпусные штабы».

«Устремитесь вперед, как только мы прорвем фронт, застигните их врасплох и ловите их в смятении».

«Информации! Информации! И еще информации!..» Таков был главный девиз Роулинсона.

Даже во время сокрушительной атаки он не уставал насаждать в своей армии искусство хранить секреты.

За два часа до атаки он выпустил эскадрилью самолетов над германскими линиями. При продвижении пехоты он снова выпускал самолеты, на этот раз с парашютами, которые спускали амуницию. Свыше 100 тысяч снарядов было доставлено этим своеобразным путем нашей пехоте и нашим пулеметчикам.

Методы работы искусной контрразведки штаба Роулинсона были прекрасны и играли решающую роль в сокрушении гигантского, будто бы неприступного, барьера, воздвигнутого немцами. Из штаба германского 51-го корпуса был похищен полный план укрепления линии Гинденбурга, где были обозначены расположения окопов и пушек.

Я не могу точно сказать, кто действительно совершил этот замечательный подвиг.

Мне сказали, что это сделал один австралиец из племени монаш. Потом говорили, что план добыл один канадец, который впоследствии был убит. Говорили также, что это сделал один солдат-лондонец, принадлежавший к моей же части, к знаменитому 3-му корпусу. Но несомненно, что тот, кто добыл план немецких укреплений и вызвал этим столь значительные последствия, совершил величайший героический поступок в истории союзной разведки.

Нужно напомнить, что немецкая линия была слишком длинна и растянута для сокрушительного удара, который, по сведениям нашей контрразведки, готовился. За тот короткий промежуток времени, который Людендорф имел в своем рас-

поражении, он сделал все, что было в человеческих силах. Миллион германцев был сконцентрирован против нас. Им было отдано распоряжение: прорваться к Парижу во что бы то ни стало.

Стоявшие друг против друга противники были по численности в соотношении как четыре к одному. Дать решительное, подготовленное сражение было невозможно, и на этом Людендорф строил свои надежды. Он хотел с помощью гигантских масс прорваться, обойти британскую линию и отделить, таким образом, британскую армию от французской сокрушающим маршем на Париж.

Контрразведка со своей обильной информацией относительно намерений германцев, полученной допросом пленных и «воздушной слежкой» за противником, помогла Гафу отразить надвинувшиеся германские полчища. Он согнул свою линию и загнал германцев в огромный «карман», потом повернул со своими подкреплениями и сдержал наступление немцев.

ГЛАВА XX

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА

Майор Россель, бывший начальник контрразведки американского экспедиционного корпуса, сообщает замечательный эпизод из практики шпионажа, который ставит американскую систему контрразведки на почетное место в общей системе союзной разведки.

Маршал Фош, Дуглас Хейг, генерал Першинг и другие союзные руководящие офицеры собрались в одном замке в Северной Франции, чтобы рассмотреть важные вопросы, связанные с усилием Людендорфа сокрушить силы союзников. Удар уже был нанесен и английская 5-я армия это почувствовала.

Необходимо было добыть больше информации. Фош и Хейг знали, что этот первый удар был прелюдией к другим, которые должны были последовать. Нужно было во что бы то ни стало узнать планы германцев.

Американцы великолепно справились с этой задачей.

По словам майора Росселя, на совещании присутствовал полковник Р., уполномоченный по работе контрразведки штаба генерала Першинга.

Было отобрано четыре человека из американской разведки и устроено совещание с другими работниками союзной контрразведки, чтобы совместно рассмотреть планы в связи с этим смелым шагом.

Испания была выбрана как исходный пункт для выполнения этого задания. Британская и французская сеть контрразведки обнимала всю Испанию. Американская контрразведка требовала, чтобы и ей было разрешено иметь в Испании свои разветвления.

Дальше я буду называть этих искусных и бесстрашных американских разведчиков: «начальником», «полковником», «майором» и «инженером».

«Полковник» был назначен первым. Он свободно говорил по-испански и в совершенстве знал Испанию и обычаи ее народа. Он должен был перейти границу и заявить, что он беженец, что его неправильно обвиняют в подделке документов и что он озлоблен против союзников, особенно против американской армии. Он сочувствует германскому народу и, кроме того, у него имеется ценная информация относительно американской армии, ее численности, расположения, вооружения и планов.

«Начальник» и «майор» должны были переправиться в Испанию через Гэндей, для того чтобы помочь «полковнику» в выполнении его плана.

Не имея при себе никаких документов, «полковник» отправился в свое опасное предприятие. Хорошо ли, плохо ли, но первый шаг был сделан. Приехав на франко-испанскую границу в город Гэндей, он переночевал в довольно скромной гостинице.

На следующее утро, согласно условленному плану, он был на глазах у многих наблюдателей арестован «начальником» и «майором» как опасный преступник и отведен в американский лагерь.

Было объявлено, что американская полиция задержала опасного преступника — американского гражданина. Эта новость распространилась по всему городу, что и требовалось по замыслу разведки. Испанские жандармы и караульный отряд на интернациональном мосту проверили арестованного с целью выяснения его личности.

Чтобы убедиться, насколько удовлетворительно выполнен план и насколько сплетня об «опасном американском преступнике» сделала свое дело, «майор» совершил поездку внутри страны и произвел негласное расследование.

Вечером он вернулся с сообщением о том, что произведенный ими шум дал резонанс сверх всякого ожидания. Этот

арест стал известен в Сен-Себастьяне, где находился центр германской разведки. В этом городе знаменитая пятерка из правящей шпионскую работу Германии.

Теперь пришло время действовать. «Полковнику» надо было сбежать. Его могли расстрелять при попытке к бегству. Надо было решиться.

При смене часового в полночь «полковник» совершил побег.

Стреляли во всех направлениях. Полиция и испанские солдаты поспешно бросились искать беглеца. Всю эту ночь и в следующие дни «начальник» и «майор» организовывали облавы. План выполнялся с точностью.

Скоро распространился слух о том, что «полковник» — в Сен-Себастьяне. Туда послали «начальника» и «майора». «Полковника» нужно было по возможности измытарить, для того чтобы убедить агентов германской разведки, которые следили за действием американцев, что этот человек является тем, за кого его выдавали, т. е. преступником, которого не ловкая американская полиция пытается разыскать.

Во время заранее предусмотренного отсутствия «полковника» «начальник» и «майор» ворвались в гостиницу, где он жил, и произвели там обыск, устраивая при этом суматоху и беспорядок, для того чтобы привлечь как можно больше внимания окружающих.

Когда «полковник» вернулся после отъезда его друзей, он выразил свое глубокое негодование заведующему гостиницей. В это время к нему подошел человек и многозначительно, ровным тоном сказал ему, что если «полковник» его проводит до своей комнаты, то он даст ему некоторую информацию относительно тех, которые рылись в его комнате.

В ответ «полковник» разыграл свою роль.

— О, вы знаете, кто это? Вы знаете все относительно меня? Я надеюсь, но я не знаю, кто вы. Идите к себе в комнату. И потом, кто знает, я, может быть, погибну. За кого вы меня принимаете? Мы переживаем странные вещи в эти дни. Но скажите мне номер вашей комнаты на случай, если я перемену свое мнение и решусь довериться вам.

«Полковник» ушел, а его новый доброжелатель сообщил ему номер своей комнаты.

«Полковник» чувствовал, что этот человек является агентом германской разведки. После обеда он решил сделать шаг к сближению с ним. Он знал, что за ним следят со всех сторон. Поднявшись на первый этаж гостиницы, «полковник» постучал в дверь; ее тут же открыл его утренний знакомый.

Войдя в комнату, он увидел четырех человек, сидевших за столом. «Полковник» догадался, что перед ним германская шпионская организация.

Он был учтиво представлен всем присутствующим в комнате.

— Мы знаем ваши обстоятельства, — сказал один. — Если вы нам поможете, то, может быть, и мы вам поможем. Говорите ли вы по-немецки?

— Нет, — ответил «полковник», — только по-испански и по-французски (на самом деле он свободно говорил по-немецки).

Оставив на минуту полковника, они устроили срочное совещание. Шпионы говорили по-немецки, и их «гость» все понял. Однако он держался перед ними безучастно, как бы не понимая ни слова из их беседы.

С простодушием, характерным для тевтонского склада ума, немцы сразу прониклись уверенностью, что он охотно будет работать для них.

Потом председатель группы обратился к «полковнику» по-испански:

— Мы — работники германской контрразведки в Испании, нам нужны надежные агенты. Если вы будете работать для нас, мы вам будем хорошо платить. Нам нужна информация, вы можете добыть ее. Если вы нам честно будете служить, — хорошо. Если же вы будете играть двойную игру, то где бы вы ни укрывались, мы вас найдем и убьем. Таковы условия. Если это предложение для вас неприемлемо или если оно вас пугает, то скажите об этом теперь же, в противном случае идите с нами и служите нам честно.

«Полковник» ответил, что ему нужно некоторое время для размышления.

— Хорошо, мы вас будем ждать в 15 часов 30 минут. Пока всего хорошего и, надеюсь, мы не прощаемся.

В назначенный час он пришел.

— Я принимаю ваше предложение. Американцы назначили цену за мою поимку. Я не виновен. Все то, что я сейчас хочу, — это отомстить.

Немцы выразили ему свое сочувствие. Они ему сказали, что он может рассчитывать на защиту со стороны могущественной Германской империи. У нее крепкая рука, и ее кулак всегда готов сразить врагов ее верных слуг.

После этого короткого вступления председатель изложил сущность первого поручения:

— Американцы недавно захватили нашего агента в одном из своих базовых портов. Его скоро будут судить как шпиона.

Этот человек, которого они знают под фамилией Мюллера, является в действительности представителем германской аристократии. Кайзер очень хочет, чтобы этот человек сбежал. Вы этому должны содействовать. Для этой цели вы вернетесь во Францию. Само собой разумеется, что мы вам окажем всемерную помощь. Если вы не можете устроить его побег другими средствами, попытайтесь подкупить часовых: за деньгами остановки не должно быть. Вам их дадут столько, сколько нужно для этого дела.

Сообщив «полковнику» о месте заключения знатного германца, председатель расспросил его о чертежах и о каком-то грузовом автомобиле и пушке, которые имеются в американской армии.

— Работая по делу освобождения нашего соотечественника, вы можете одновременно постараться раздобыть чертежи этого изобретения, которые очень нужны нашему генеральному штабу во Франции.

«Полковнику» дали значительную сумму денег для предварительных расходов. Он должен был выдавать себя за испанца и разъезжать с паспортом, который давал ему возможность путешествовать по всей Франции, не подвергаясь никаким стеснениям.

На следующее утро «полковник» покинул гостиницу, уверившись, что за ним не следят.

Приехав на испанскую границу, переодетый, не стесняющийся в средствах и с испанской визой на паспорте, он немедленно получил разрешение ехать дальше. Для непосвященных это был крупный чиновник, приезжавший во Францию по срочным делам, касающимся испанского правительства.

В поезде «испанца» проводит в его купе «майор». Они хотели остаться наедине, но это им не удалось. Двое пассажиров вошло в их купе. Однако «полковник» сумел передать «майору» записку. Там было сказано: «Идите на станцию, где вы меня увидите, когда я сойду с поезда». «Майор» так и сделал. В маленьком зале ожидания после отхода поезда они пожали друг другу руки. «Полковник» рассказал «майору» всю историю, и они условились встретиться в Париже. Оба агента сели на следующий поезд и ехали как незнакомые в разных купе. В Париже «испанец» поселился в спокойной гостинице, где его вскоре навестили «начальник», «майор» и «инженер».

Они горячо обсуждали вопрос об освобождении знатного германца. Все чувствовали, что если этот высокородный пленник будет освобожден, то потом можно будет сделать с германской разведкой все, что угодно. Это был козырь.

«Начальник» зашел в генштаб, чтобы разыскать дело этого столь важного пленника. Заключенному угрожала смертная казнь, и было решено, что приговор будет приведен в исполнение.

Американец страстно убеждал высшего офицера, которому было поручено это дело, что пленник очень важен для союзной контрразведки, что он нужен как агент для особого поручения.

Офицер сказал:

— Вы, очевидно, не знаете всей важности этого «пленника».

— Нет, — ответил «начальник».

— Так вот — это князь Иоахим, любимый сын кайзера.

Вскоре «начальник» узнал всю эту историю.

В Ля-Рошели в доках схватили молодого человека, пытавшегося зажечь навес, под которым находилось много авиационного оборудования. Так как он отказался дать какую-либо информацию о Германии, то американцы посадили его на время в тюрьму.

Задержанный не говорил о том, кто он такой, до приближения срока его казни. Но, как было сказано выше, подлинное лицо пленника стало известно. Тем временем германцы делали энергичные усилия, чтобы дипломатическим путем или другими способами добиться освобождения пленника, присвоившего себе имя Мюллера.

Для целей союзников этого человека надо было выпустить во что бы то ни стало. Высший офицер был введен в курс дела. Тогда было решено, что американская группа контрразведки разыграет заранее разученную роль на сцене тюрьмы, где содержался Мюллер.

«Полковник», еще пребывавший под видом испанца, был «арестован» своими коллегами как подозрительный и помещен в тюрьму, где сидел Мюллер. Американец скоро вошел с ним в контакт. Составили заговор.

— Я проник сюда по распоряжению германской разведки и хочу помочь вам бежать. Когда выйдете на вечернюю прогулку, вы увидите человека, который будет вам кивать головой, это будет частный посетитель, и тогда спасайтесь бегством. Я буду ждать за воротами с автомобилем.

Таков был его план.

Мюллер был восхищен. Он обещал повиноваться.

На следующее утро «начальник» навестил дежурного офицера французской контрразведки и попросил его выпустить «испанца», так как все оказалось в порядке. Начальник тюрьмы получил соответствующее распоряжение, и «испанца»

выпустили в это же утро. Прежде чем уйти, он успел сделать последнее предупреждение узнику: «сегодня вечером».

Как раз в тот момент, когда Мюллер вышел на вечернюю прогулку, «майор» появился у ворот тюрьмы в форме офицера американской армии. Часовые отдали ему честь. Автомобиль «майора» стоял за стенами тюрьмы. Это была большая мощная машина с сильным мотором, сконструированная так, чтобы можно было перейти на полную скорость в десяти секундах. Мотор работал.

Когда «майор» вошел через калитку в тюрьму, «полковник» прошел к сиденью шофера. «Майор» отвлек внимание шофера в другую сторону, и в эту минуту узник вышел из ворот. Одного сигнала было достаточно, чтобы он устремился к автомобилю. Часовой помчался за ним в сопровождении «майора», который поскользнулся и ловко упал на спину, ухватив за собой часового. Через секунду «майор» бросился к калитке и стал стрелять из своего автоматического пистолета по уезжающему автомобилю. Пока часовой добрался до калитки, машина исчезла. Была организована погоня, но беглецов не нашли.

«Полковник» и «Мюллер» благополучно добрались до Испании; границу они перешли по хорошо известной им дороге, отмеченной группой контрразведчиков.

По приезде принц был радостно принят хозяевами «полковника» из германской контрразведки. «Полковник» был предметом восхищения кайзеровских авантюристов и, что важнее всего, он завоевал полное доверие всей германской контрразведки.

Его преданность германскому делу была установлена. Некоторое время спустя «полковник» снова поехал во Францию; на этот раз с заданием достать для Германии чертежи недавно сделанного важного изобретения.

— Я знаю одного нужного человека в Париже, — сказал «полковник» германскому начальнику, — который за большую сумму денег даст вам то, что вы хотите.

Принц не захотел, чтобы «полковник» вернулся во Францию.

— Он слишком храбрый человек. Он идет на верную смерть. Кроме того, я ему так много обязан, что ничем не смогу уплатить свой долг. Он мне спас жизнь, — говорил принц.

После долгих споров «полковник» получил разрешение ехать. На этот раз он въехал во Францию другим путем и при совершенно других обстоятельствах.

Один опытный испанский проводник, который знал каждую пядь земли в горах, должен был проводить его во Францию.

темную ночь, когда бушевала гроза, они отправились в путь, тем чтобы перейти границу. Горная тропа, по которой они шли, таила в себе множество опасностей даже в прекрасную погоду; одни только контрабандисты знали ее.

Когда путники поднялись по тропинке, она местами стала до того узка, что лишь несколько сантиметров отделяли их от края пропасти в несколько тысяч футов глубиной: один толчок, и смерть неминуема.

Американец и проводник насквозь промокли. Скользя, скатываясь, а иногда ползая на четвереньках, они начали спускаться вниз.

На рассвете они увидели Францию.

Убедившись в том, что поблизости нет часовых, путники пробрались украдкой в одну маленькую деревню. Тут «полковник» простился со своим другом контрабандистом.

Прячась по ночам и путешествуя днем, «полковник» избегал городов, как чумы. У него не было никаких документов. Но ему повезло. Американский грузовик взял его с собой, так как он представился человеком, направляющимся в Париж для того, чтобы поступить в американский экспедиционный корпус.

В Париже он остановился в прежней гостинице, где его вскоре посетил «начальник» и другие товарищи. Все они были восхищены его возвращением, так как сильно беспокоились, не получая со времени его бегства никаких известий о нем.

Теперь начинается новая фаза в приключениях «полковника». Его послали для того, чтобы достать секретные чертежи недавно изобретенного американцами танка.

«Начальник» и «майор» совещались относительно того, как ввести германцев в заблуждение какими-нибудь никчемными чертежами.

Для помощи пригласили «инженера». Ему указали все опасности этой задачи, где единственной наградой может оказаться расстрел у каменной стены на рассвете, но «инженер» был храбр.

— Я решился, — сказал он, — я хочу помочь делу.

Он принялся за работу, достал схемы и чертежи какого-то мотора и механических частей, с помощью которых можно было надуть германцев. «Инженер» должен был вернуться вместе с «полковником» и говорить на таком техническом языке, чтобы начальники германской контрразведки в Сен-Себастьяне ничего не могли понять.

Под предлогом, что они ищут германских дезертиров, друзья поехали к испанской границе, пробрались очень осторожно в горы и явились к германской пятерке в Сен-Себастьяне.

«Инженер» пытался объяснить немецким контрразведчикам на техническом языке привезенные чертежи, но, как он этого и хотел, подробности оказались слишком сложны для того, чтобы их могли понять. «Инженер» намеренно их запутал.

Тогда было решено, что единственным выходом является посылка «инженера» в Германию. Но когда «полковник» предложил этот план «инженеру», последний отказался поехать без «полковника». Тогда принц Иоахим вмешался в переговоры. Его сильно интересовали планы «полковника», и он разрешил основной вопрос, заявив, что оба поедут в Германию вместе с ним.

— А как? — спросил «полковник». — Через Францию невозможно, через нейтральные страны также нельзя, потому что все союзные разведки знают меня. Меня арестуют на первой пограничной заставе.

— Не беспокойтесь, — ответил принц, — у нас имеется регулярное сообщение между Испанией и Кильским каналом. Уже свыше трех лет, как наши подводные лодки курсируют по этой линии. До сих пор было только два несчастных случая на этой секретной линии. Вы должны решиться рискнуть. Я с вами поеду и буду отвечать за вашу безопасность перед нашим генеральным штабом.

На этом и договорились.

Ожидаемая подводная лодка прибыла через два дня. «Полковник» слышал, что капитан рассказывал пятерке о том, как в английском Ламанше два контрминноносца гнались за ним несколько часов. Он избежал катастрофы тем, что нырнул и опустился на дно на очень большой глубине и оставался там около шести часов.

— Эти англичане порядком надоели нам, командирам подводных лодок! — сказал он многозначительно.

Члены германской пятерки переглянулись друг с другом. Они знали этого командира подводной лодки. Это был человек опытный, твердый и решительный. Если он говорил, то обдумывал свои слова.

Когда капитану сказали, что ему придется взять на борт трех пассажиров, он заявил, что не возьмет ни одного. Но принц Иоахим настоял на своем, и дело было улажено.

С наступлением сумерек маленький отряд был доставлен на лодке к подводному кораблю. Оба разведчика были помещены в маленьком купе. Капитан предупредил их, что там они будут жить до конца рейса.

— Не выходите из вашей кабины. Мой экипаж не любит

ни англичан, ни американцев. Вас могут ударить. Матросы не понимают методов разведки.

Так они провели все плавание. Один раз их навестил принц и вежливо осведомился об их здоровье. Но кроме этого визита, а также ежедневного посещения одного германского младшего офицера, который приносил им пищу, ничего не происходило, что могло бы нарушить однообразие этого путешествия.

Наконец, рейс окончился, и лодка всплыла на поверхность в германских территориальных водах у укрепленного входа в Кильскую гавань.

Когда американцы высадились на берег, принц повел их по большой гавани для подводных лодок к близлежащим казармам, велел им ждать, а сам пошел к командующему морской базой.

Во время ожидания они обратили на себя внимание многих офицеров. Один офицер, который вышел из дома командующего, остановился около них и заговорил по-английски.

Он задал им несколько вопросов об их национальности, потом осведомился, говорят ли они по-немецки. Когда ему ответили отрицательно, он обратился к группе наблюдателей и сказал по-немецки:

— Эти двое американцев — предатели, они уже продают свою родину.

Потом у дверей появился принц и дал им знак следовать за ним. Их представили генералу, который свободно говорил по-английски.

— Мне сказали, что вы спасли жизнь его королевскому высочеству. Германия вам вечно будет обязана. Пока вы будете здесь, под моим попечением, вы можете рассчитывать на полный личный комфорт и на мою защиту.

Все улыбались и кланялись, когда принц распрощался и ушел. Американцы видели его в последний раз.

Потом генерал обратился к ним и сказал:

— Я назначил офицера для вашего личного обслуживания. Он будет вместе с тем переводчиком. Я пошлю за ним, — и он нажал кнопку на своем столе. Послышался стук у дверей, и в комнату вошел офицер. — Вот капитан Шмидт, — сказал генерал. «Полковник» и «инженер» вытаращили глаза от изумления.

Это был тот самый офицер, который недавно так оскорбительно отзывался о них. Глаза у них разгорелись, когда они пошли за ним.

Устроив бегство принца Иоахима, «полковник» и «инженер»

завоевали доверие германской разведки и приехали в Киль с «липовыми» чертежами американского танка вместо настоящих, которые они должны были достать.

Они пробыли в казармах почти два дня. На второй день вечером капитан Шмидт велел им быть готовыми ехать на следующее утро в генеральный штаб. Наконец-то, они увидят мощную контролирующую машину императорской германской армии!

В течение всего следующего дня они ехали в закрытом купе первого класса и вечером прибыли в Кобленц. Их отвели в маленькую гостиницу, и капитан Шмидт предложил им привести себя в порядок. Им разрешат выходить от 10 утра до 5 часов вечера, но они должны выдавать себя за испанцев; для этого им вручили два удостоверения личности на случай, если на улице ими заинтересуются сотрудники германской контрразведки.

На следующий день они пошли в одно маленькое, но изысканное кафе. Там они разговаривали по-испански на общие темы и так тихо, что их не мог бы понять кто-либо желающий подслушать беседу.

Посидев в кафе с полчасика, «полковник» заметил, что одна довольно милостивая девушка, очень изысканно одетая, все время смотрит на них. Он сделал вид, что ничего не замечает, но каждый раз, когда его глаза глядели в ту сторону, они встречали настойчивый взгляд этой женщины.

Собираясь уйти, они стали искать официанта, но не успели расплатиться, как к их столику подошла эта женщина и заговорила с ними по-испански.

— Извините меня, но мне кажется, что вы иностранцы. Я предполагаю, что вы испанцы. Официант мне это подтвердил.

— Да, — сказал «полковник», — я вижу, что вы говорите на нашем языке. Садитесь с нами. Выпейте стакан кофе. Как приятно слышать родную речь в устах такой очаровательной особы, как вы.

Молодая женщина села за стол, и все трое разговаривали свыше часа. В конце концов они условились встретиться завтра в этом же месте.

Когда они вернулись к себе в гостиницу, «полковник» обратился к «инженеру».

— Это разведчица! Ее подослали для того, чтобы нас выслеживать. Возможно, что она будет ухаживать за одним из нас для того, чтобы попытаться выпытать кое-что. Я думаю, что она метит в меня, и я постараюсь сыграть свою роль.

С тех пор новая знакомая встречалась с ним каждый день. Через неделю пришел Шмидт и сказал, что «инженеру» придется ежедневно ходить в отдел авиации и механики для того, чтобы рассмотреть чертежи вместе с германскими экспертами. Пока генеральный штаб не готов принять «полковника», и он может располагать своим временем наилучшим для себя образом.

Оба разведчика чувствовали, что германская разведка играет ими. Они нужны ей только временно. Все указывало на это.

— Если они хотят вас прогнать, не допустите этого, — сказал «полковник» своему товарищу. — Это будет для вас верная гибель. Когда они добудут информацию, нам будет конец. Я очень ясно вижу их намерения. Они нас перехитрили. В таком случае наша миссия будет бесплодной и все жертвы, которые мы принесли, окажутся напрасными. Во всяком случае, если придется умереть, — умрем вместе.

Но произошло нечто непредвиденное, что совершенно изменило положение. Грета, германская разведчица, влюбилась в «полковника». Однажды днем она сказала ему:

— Меня послали для того, чтобы обольстить вас, но вместо этого я стала жертвой своего собственного чувства. И это я, Грета, которая думала, что недоступна для таких вещей!

Она была глубоко взволнована.

— Давайте завтра встретимся в парке, а не здесь; я хочу вам многое рассказать.

В ту же ночь оба американца рассмотрели положение со всех точек зрения. Оба инстинктивно чувствовали, что они под угрозой разоблачения. Это было лишь вопросом времени. «Инженер» был уверен, что германские эксперты работали. Их заинтересованность была большая; как только они будут знать об этом изобретении все, что можно, его отправят внутрь страны для того, чтобы он помогал конструировать танк. Американцы знали, что это значит. На рассвете они решили отправиться внутрь страны при первой же возможности.

Рано утром к ним постучал Шмидт. Обращаясь к «полковнику», он сказал:

— Вы пойдете со мною в 10 часов утра в генеральный штаб, ваша аудиенция теперь подготовлена

В 10 часов утра Шмидт повел его по городу и, наконец, привел в большую гостиницу. За конторским столом в огромной комнате, стены которой были увешаны большими картами, стоял Гинденбург.

— Я извиняюсь, что заставил вас так долго ждать свидания со мною. Дело в том, что я редко бываю здесь. Я знаю все

относительно вас и выразил желание лично вас увидеть. Мое время дорого. Большие события должны развернуться. Расскажите мне по возможности коротко, что вам известно об американских силах во Франции.

«Полковник» разговаривал с ним целый час. Он говорил:

— Два миллиона американцев находятся на пути во Францию. 750 тысяч человек уже сейчас на фронте. Американцы имеют 5 тысяч самолетов, 2 тысячи пушек; еще придут тысячи солдат. Миллионы тонн военного снаряжения и продовольствия, — таково было содержание его рассказа.

Маршал изменился в лице. Он был явно взволнован. Для него это сообщение было предвестником надвигающегося бедствия. Некоторое время он молча ходил по комнате, потом, подойдя к своему столу, нажал кнопку.

— Довольно, я еще пошлю за вами.

Капитан Шмидт открыл дверь; аудиенция была окончена. Когда они вышли из гостиницы, капитан оставил «полковника».

— Вы знаете, куда вам идти и что вам делать. Я за вами зайду, если вас потребуют.

В тот же день «полковник», который почувствовал влечение к германской разведчице, пришел в парк на назначенное свидание. Грета его ждала.

— Слушайте меня внимательно. Слушайте, мой возлюбленный, так внимательно, как до сих пор вы никогда не слушали. Вы оба осуждены на смерть. Я знаю, кто вы. Наша разведка знает ваши биографии. Вы оба американские офицеры. Меня не занимает вопрос о том, искренни вы или нет. Меня не занимает вопрос о том, являетесь ли вы американским преступником. Наша разведка склонна думать, что нет. Она говорит, что вы оба агенты американской разведки, оба союзные шпионы, играющие хитрую, но безнадежную игру. На этот раз вы зашли слишком далеко. Не бойтесь. Доверьтесь мне. Я нашла выход. Сегодня ночью я приду к вам в комнату. К тому времени я буду знать, выполняются ли мои планы.

Вечером того же дня оба американца, с напряженным вниманием ждавшие в своей комнате эту женщину, услышали ожидаемый стук в дверь. Грета пришла, как было условлено. Ее приход к американцам не должен был казаться подозрительным немецким разведчикам. По их мнению, она, как разведчица, разыгрывала роль любовницы.

План, который она развернула перед американцами, казался невероятным, невозможным. Однако они были в ее руках. Если она играет двойную игру, они погибли. Если они будут продолжать свою игру, они также погибли. Какая разница?

С другой стороны, если она действует искренно, то их миссия будет выполнена успешно, успешнее, чем этого можно было ожидать.

— Я заручилась помощью двух полковников генерального штаба, — сказала она, и глаза ее загорелись, дыхание стало прерывистым, как при подавленном волнении.

— Оба эти полковника — изменники делу германского народа. Это одна и та же игра на войне. Оба говорят, что германцы обречены. Это лишь вопрос времени. Они видели последний секретный доклад, который вы сделали Гинденбургу.

— У них имеются тайные планы германских операций, — продолжала Грета, — эти планы, если только они попадут в руки Фоша, окончательно решат судьбу Германии. Они хотят заключить договор. Они требуют, чтобы я принесла им в эту ночь уверенность в том, что этот договор будет выполнен. Во-первых, защита против мести со стороны германской контрразведки, в какой бы стране они ни были. Во-вторых, сто тысяч долларов вознаграждения. Третье условие, — чтобы их немедленно перевезли в другую страну, предпочтительно в Америку. Если вы соглашаетесь, я отнесу ваш ответ. Если он положительный, то они вас отсюда увезут. Таков их план. Они оба поедут с вами по Германии до ваших линий, до самого американского фронта. Они вас уведут отсюда под тем предлогом, чтобы вас было удобнее убить. Они имеют неограниченные полномочия. Никто не может оспаривать их власть.

— Грета, — сказал «полковник», — в первый раз я с вами буду говорить по-немецки, на вашем родном языке. Я вам верю. Мой товарищ и я находимся в ваших руках. Если вы нас обманываете, вы выиграете, но, возможно, мысль о том, что вы нас лишили жизни, всю жизнь будет вас преследовать. Передайте этим двум офицерам, что их условия приняты. Если мы выберемся отсюда, тогда мы окажем услугу нашей стране и делу союзников. Что касается вас, то вы поедете в Голландию. Как только мы уедем, дня через два после нашего отъезда, найдите какой-нибудь предлог и перейдите голландскую границу. В противном случае мое сердце не найдет покоя при мысли о том, что мы на свободе, а вы остались и, по всей вероятности, на смерти.

— Не беспокойся. Я сегодня же ночью передам ваше согласие. Они смогут вас увезти отсюда лишь через два дня. Хорошо. Я все это обдумала, — ответила она. — Сегодня ночью я покидаю Кобленц с испанским паспортом. Мне поручено поехать в Париж для того, чтобы раздобыть кой-какую информацию. Мой отъезд не вызовет ни малейшего подозре-

ния. — Вы со мной говорили по-немецки, — сказала Грета «полковнику». — Теперь я буду отвечать на вашем языке, который является моим родным языком. Я родилась в Нью-Йорке и воспитывалась в Южной Америке. Я говорю по-английски, по-испански и по-немецки. Итак, прощайте, до ближайшего свидания.

На следующее утро оба офицера, о которых говорила Грета, вместе с капитаном Шмидтом пришли в гостиницу.

— Эти два офицера поведут вас к верховному императорскому командующему на фронте. Вас обоих будут еще допрашивать, так как возникли сомнения, требующие более подробных объяснений.

В назначенное время «полковник» и «инженер» покинули Германию, имея при себе информацию. Оба германских офицера из неприятельского верховного командования благополучно достигли американских линий в конце июня 1918 года.

В настоящее время где-то в Америке два немца, если они живы, знают правду об этом большом шпионском заговоре. И где-то в Америке Грета, немецкая шпионка, и ее муж «полковник» вспоминают те дни, когда судьба и шпионская работа столкнули их. Принц Иоахим Гогенцоллерн покончил самоубийством в 1927 году. Я думаю, что он никогда не знал правды о своем освобождении.

ГЛАВА XXI

БАТАРЕЯ „Л“ У НЭРИ

Это было 31 августа 1914 года. Тени пыльного знойного дня укорачивались, когда я шел со своим полком и заметил на перекрестке дорог одного штатского, по одежде — типичного французского сельскохозяйственного рабочего. Он стоял на краю дороги вместе с другими многочисленными беженцами и наблюдал, как проходили наши отступающие войска. Никто не обратил внимания на него. Мы таких видели тысячами, когда отходили от Монса.

Несмотря на то, что он был небритый, немый и нечесанный, несмотря на то, что мои глаза встретились с его глазами всего на одну секунду, несмотря на то, что я был смертельно усталым, — я в течение этого мгновенного взгляда узнал в этом человеке одного английского разведчика. Это был Бертран Стюарт, который возвращался назад, для того чтобы

притти в соприкосновение с продвигающимся неприятелем и чтобы еще раз рискнуть своей жизнью за дело союзников.

30-го ночью Стюарт прибыл в деревню, где временно была расквартирована одна кавалерийская дивизия фон-дер-Марвица. Разведчик хорошо говорил по-немецки. Пройдя 5 миль в открытом поле, он спрятал свой радиоаппарат. Надо отметить, что он хорошо знал германский код.

Деревня кишела германскими кавалеристами. Вдоль главных и боковых улиц, а также на окраинах стояли лошади, оседланные, покрытые пылью; они ели из мешков; от измученных животных шел пар. Стюарт узнал, что многие эскадроны находились в пути 24, а в некоторых случаях 26 часов.

Окружение британской армии и взятие Парижа были вопросом времени. Многие солдаты говорили об этом при Стюарте совсем открыто, так как на него смотрели как на невежественного французского крестьянина.

Прислушиваясь к разговорам окружающих, он услышал, как солдаты говорили, что около Нэри имеется британский бивуак и что 18-й драгунский, 2-й кирасирский и 9-й уланский полки, снабженные двенадцатью пушками, должны на рассвете произвести внезапную атаку на британскую кавалерию и артиллерию, а в это время 2-й и 9-й кавалерийский полки нападут на англичан с обеих сторон и произведут обстрел.

Стюарт знал, что две последние ударные германские дивизии были недалеко. Поэтому он ночью отправился по маленькой дорожке в открытое поле, где мог наблюдать за отправлением 4-й германской кавалерийской дивизии.

Можно вообразить себе, какие мысли роились в голове этого человека, когда он лежал спрятанный в земле. Как на зло, утренняя заря принесла с собой тяжелый густой туман. Но он мог слышать звуки голосов немцев, бряцание оружия и сухой треск конских копыт по дороге; он пришел к заключению, что немцы, наконец, двинулись в путь.

Еще раз он подполз близко к деревне, теперь тихой и безлюдной, и вдоль дороги различил несколько темных предметов. Он тут же понял, что в своем спешном продвижении вперед немцы оставили позади колонны свои радиоустановки.

Не колеблясь ни одной минуты, Стюарт помчался в деревню. Густой туман мешал ему бежать. Но ориентируясь по некоторым вехам, разведчик добрался до места — к полуразрушенной ферме, где он установил свой радиоаппарат.

Он немедленно принялся за работу и скоро вошел в контакт с 2-м, потом с 9-м германскими кавалерийскими полками. Пользуясь секретным германским военным кодом, он послал

следующую телеграмму: «4-й кавалерийский сообщает, что в Нэри нет англичан, прекратите битву. Двиньтесь на юг к Компьень».

Он получил ответ от обеих дивизий: «Приняли. Все в порядке».

Теперь я должен сделать маленькое отступление и рассказать о героической битве под Нэри.

Под Нэри 2-й драгунский гвардейский полк и батарея «Л» конной артиллерии вывели своих лошадей на водопой. Утро стояло туманное, но сквозь туман на расстоянии примерно 700 метров один офицер заметил, что с вершины низкого холмика на англичан смотрели три всадника. Это были разъезды германских офицеров-наблюдателей, управлявших огнем двенадцати пушек. Не успели британцы узнать, в чем дело, как наскоро установленные пушки стали стрелять по ним шрапнелью прямой наводкой. Эти двенадцать пушек извергали свои снаряды в упор в расстроенный английский бивуак. Произошло страшное смятение и свалка. Много людей и лошадей было убито и ранено, три пушки подбиты. Нападение было так неожиданно, что поражение начало принимать размеры катастрофы. Отряд германской кавалерии сопровождал пушки, и его ружейная пальба усилила сумятицу в рядах англичан.

Британцы не могли поставить пушки на передки, так как перепуганные лошади разбежались. В результате вышли из строя еще две пушки батареи «Л».

За короткий промежуток времени остались в живых только двое солдат, причем оба были покрыты ранами и теряли последние силы. Но борьба продолжалась. Обстреливая своих врагов, они укрывались позади пушки с фунтовыми снарядами; одна пушка против двенадцати на расстоянии почти прямого выстрела!

— Несколько германских пушек замолкло. Эти двое храбрецов не могли сделать большего. Во-время подоспели резервы. Через две-три минуты неприятель бросил свои пушки. Я помню, что мы захватили восемь пушек; около двадцати немцев, мертвых и раненых, лежало вокруг них.

Но что было бы, если бы весь кавалерийский корпус фон-дер-Марвица произвел атаку, как это предполагалось? Было дано «неверное распоряжение», в противном случае атака была бы произведена. За это «неверное распоряжение» британская армия должна быть благодарна только одному человеку, и этот человек — покойный Стюарт, сотрудник разведки.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

Моя книга была бы неполной, если бы я обошел молчанием деятельность одного разведчика, работавшего до войны и пользовавшегося методами, чрезвычайно характерными для преобладавшей тогда в военных кругах Центральной Европы секретной работы.

Эта история заимствована из новейших источников. Рассказ ведется от имени одного высокопоставленного германского офицера, который был начальником германской контрразведки во время войны, — полковника В. Николаи. Его мнения о шпионской работе являются самыми авторитетными из всех, которые когда-либо были высказаны с неприятельской точки зрения.

Эта история содержит описание приключений полковника Редль, который, несомненно, был мастером разведки и крупным шпионом в довоенной Европе.

Я уверен, что читателей этой книги заинтересует повесть о серии предательств этого австрийского офицера.

Одна пражская газета, вышедшая в понедельник 26 мая 1913 года, напечатала следующий отчет о футбольном матче:

«Футбол в Праге. Шторм 1 — против Унион В.5—7 (полтайма: 3—3). Шторм 1 оказался очень слабой командой ввиду отсутствия Вагнера и Марка. Один Атья не был достаточно силен для того, чтобы оказать сопротивление своим противникам».

Автором этой отрывочной заметки был раздраженный главарь побежденной команды, он же один из редакторов газеты. Однако этими несколькими строками мелкого шрифта начинается одна из наиболее ярких сенсационных драм шпионажа за последние годы.

Если бы Вагнер играл, Шторм 1, может быть, выиграл бы, но события, служащие темой настоящего рассказа, по всей вероятности, остались бы навсегда погребенными в неизвестности.

Трагические события в центре веселящейся Вены развернулись с напряженной стремительностью.

Только 10 человек во всей Австрии знали полностью эту историю: главнокомандующий австрийской армии генерал Конрад фон-Гецендорф, высшие чиновники австрийской разведки и австрийского военного министерства и высшие чиновники венской полиции. Были приняты самые строгие меры пред-

осторожности для того, чтобы это осталось тайной. Все эти 10 человек поклялись свято хранить секрет. Даже император Франц-Иосиф и наследник трона герцог Франц-Фердинанд (убийство которого в Сараево год спустя послужило поводом войны) должны были остаться в неведении. Но все эти меры предосторожности не помогли, потому что на одном стадионе в Праге отсутствовал капитан команды.

Таковы странные зигзаги судьбы.

В понедельник после обеда капитан команды Шторм 1 посетил своего товарища по игре Вагнера (слесаря по профессии), чтобы узнать, почему он не пришел на матч.

— Я никак не мог притти, — сказал Вагнер своему капитану. — За мною приезжали военные.

— А что они хотели?

— Мне нужно было взломать несколько замков в доме одного офицера.

Таким образом Вагнер рассказал всю историю, не подозревая, что она имеет какое-либо значение.

В присутствии начальника пражского корпуса и многих высокочинных офицеров, очевидно, приехавших из Вены, ему пришлось открыть дверь дома, который, ему казалось, принадлежал одному генералу, умершему в тот же день в Вене.

Ему также пришлось взломать все ящики стола, гардеробы, конторки и т. д., где было найдено много бумаг и фотографий. Когда офицеры рассмотрели все обнаруженное при обыске, они остолбенели от ужаса. Они восклицали:

— Неужели? Кто бы этому поверил?

Некоторые из этих бумаг были написаны по-русски. Там оказались также и планы. Среди бумаг была найдена значительная сумма денег.

Генерал был, повидимому, очень богат: в доме стояла великолепная мебель.

— Мне кажется, что они искали завещание, — закончил Вагнер. — Во всяком случае генерал держал свои документы в надежном месте. Некоторые из замков было трудно взломать. Конечно, в следующее воскресенье я буду на матче. Такие вещи не происходят каждое воскресенье.

Капитан команды, не менее изумленный, чем офицеры, вернулся в свою редакцию.

Такова была действительная история, скрывавшаяся под официальным сообщением «венского бюро печати», на которое он наткнулся накануне вечером в своей редакторской работе и которое появилось в сегодняшних газетах. Это сообщение с прискорбием оповещало о самоубийстве полковника

4699999
Редля, начальника штаба 8-го корпуса, очень оди-
нкого офицера, который достиг высокого ранга. Он поехал
Вену по профессиональным поручениям и в минуту упадка
строения, вызванного неделями бессонницы, застрелился.

Русские документы! Планы и фотографии! Самоубийство!
Из Вены выслали специальную комиссию офицеров для того,
чтобы произвести обыск в доме полковника. Почему? Все было
ясно, как день: Редль был шпионом! Этот человек, чей гений
был общепризнан и который скоро должен был добраться до
верховного командования австрийской армии, был изменником!

Редактор, капитан футбольной команды Шторм 1, конечно,
наткнулся на большую сенсацию, но он не мог использовать
ее в своей газете. Если бы эти сведения появились в «Прагер
тагеблат», полиция тут же вмешалась бы, конфисковала бы
все экземпляры, закрыла бы газету и посадила бы в тюрьму
по возможности больше людей из редакции. Поэтому он посо-
ветовался со своим сотрудником и во вторник утром напечатал
следующее сообщение:

«Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть
слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах
относительно начальника штаба пражского корпуса, полков-
ника Редля, который, как уже сообщалось, покончил само-
убийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам,
этот полковник будто бы обвиняется в том, что передал од-
ному государству, а именно России, военные секреты. На самом
же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для
того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника,
преследовала совсем другую цель».

Это было все, что могла безопасно напечатать пражская га-
зета. Но публика знала, что это означает, потому что чита-
тели газет давно были вынуждены благодаря строгой цензуре
читать не только между строк, но даже позади газетных за-
меток. Если напечатано: «Полковник Редль — не изменник»,
то они знали, что это означает: «Полковник Редль изменник».

Таким образом довоенная Австро-Венгрия узнала основной
эпизод трагедии. Но в среду официальная Европа узнала го-
раздо больше подробностей об этой истории, так как капитан
команды Шторм 1 был пражским корреспондентом одной бер-
линской газеты. Европа два-три дня интересовалась этим де-
лом, которое было у всех на устах, а потом о нем забыли.

Закончилась великая война, рухнула Австро-Венгерская им-
перия, раскрошилась мощная военная система. Различные до-
кументы были найдены один за другим в разных местах. Лишь
теперь стала точно известна история Редля.

Альфред Редль был, несомненно, одним из наиболее блестящих офицеров австрийской армии. Он был искусным лингвистом, имел широкие познания относительно основных европейских государств, глубоко знал военную историю. Он был трудолюбив, энергичен, работоспособен, удачлив. В 1900 году, когда генерал барон фон-Гизль стоял во главе разведки Австро-Венгрии, он назначил Редля начальником «Отдела информации» (разведка и контрразведка). Молодой офицер так хорошо справлялся со своей работой, что когда фон-Гизль получил повышение, он потребовал назначения Редля начальником его штаба. В течение пяти лет (1900—1905) Редль был директором контрразведки, которую он превратил в наиболее мощную организацию австро-венгерской армии. Ему удалось захватить некоторых наиболее ловких разведчиков. Он раздобыл важнейшие секреты многих государств. Он как будто не знал неудач. Однако большую половину своего пребывания на этом посту Редль действовал как шпион в пользу старой, императорской России.

Бюро информации (или, как его называли сокращенно, КО) было изумительным учреждением. Если оно интересовалось каким-нибудь посетителем, то он оказывался сфотографированным и в лицо и в профиль, отпечатки его пальцев регистрировались и каждое его слово записывалось на граммофонной пластинке. Где бы ни находился этот посетитель — в приемной зале ожидания или в конторе, — пара невидимых фотоаппаратов всегда была устремлена на него.

Посетителя вводили в комнату одного чиновника, в которой звонил телефон. В середине разговора чиновник указывал на лежащую на столе коробку с папиросами и говорил:

— Возьмите папиросу.

Посетитель брал коробку и оставлял о себе прочную память: поверхность коробки подвергалась действию сурика и, таким образом, сохраняла невидные до выявления отпечатки пальцев того, кто держал коробку. Телефонный разговор был, конечно, обманом, так как его вызывал сам чиновник, нажимая ногой рычаг или кнопку под столом.

Если посетитель был не курящий, тогда чиновник вдруг вспоминал, что папку, лежащую на конце стола, за которым сидел посетитель, давно надо было отнести в контору. Он ее схватывал, говорил:

— Извините, я через минуту вернусь, — и убегал из комнаты.

На столе оставалась другая папка с надписью «Секретно».

Очень мало посетителей КС противостояли желанию заглянуть украдкой в секретную папку!

Картон папки потом подвергался действию сурика. Если посетитель, за которым наблюдали из соседней комнаты, устоял против искушения, тогда применяли какую-нибудь другую хитрость. Если и эта уловка не удавалась,—применяли другую, и так до тех пор, пока какая-либо не удавалась. Во время разговора аппарат передавал каждое произнесенное слово граммофонной пластинке, расположенной в соседней комнате.

Деятельность КС была до того значительна в то время, когда майор Редль получил чин полковника и был назначен начальником штаба генерала фон-Гизля, что одно только его имя побуждало к энергичной деятельности его преемника капитана Ронга и весь персонал КС.

«Вспомните Редля!», «Чтобы бы сказал Редль?»—таковы были девизы работников, которые поддерживали высокую степень активности своего учреждения. В этом отношении наследство, которое Редль оставил КС, вызвало, как это ни странно, его несчастье 8 лет спустя.

Новый начальник КС постоянно изыскивал новые методы и планы для того, чтобы превзойти Редля. В 1908 году после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, когда положение в Европе было напряженным, капитан Ронг и его начальник должны были больше чем когда-либо быть на чеку. Между прочим, Ронг ввел тайную почтовую цензуру. Только три человека — начальник, Ронг и чиновник, поставленный во главе «черного кабинета» (так называли цензуру), — знали истинную причину создания этого учреждения. Работникам, которые присягнули хранить секрет, говорили, что цензура вводится для борьбы с таможенными мошенниками.

Особое внимание обращалось на письма, прибывающие из пограничных местностей. Благодаря цензуре удалось изобличить в шпионаже в период аннексии одного русского военного атташе в Вене, очень известного в высших кругах полковника. Его, конечно, нельзя было арестовать, но однажды ночью на придворном балу императора колко сострили на его счет. Это дало атташе понять, что он разоблачен, и через неделю он был отозван. Его преемник тоже оказался шпионом — еще один успех черного кабинета и КС. 2 марта 1913 года в черном кабинете вскрыли два письма. Оба имели следующий адрес: Опера балл, 13, до востребования. Главный почтамт. Вена.

Судя по почтовым маркам, они шли из Эйдкунена (Восточная Пруссия, на русско-германской границе). Одно содержало

на 6 000 австрийских крон банкнотов, а другое — на 8 000 крон. Ни в том, ни в другом не было сопроводительного письма, и уже поэтому письма, естественно, вызвали подозрение. Если эти деньги уплачиваются за честный труд, почему не послать их обычным путем? И Эйдкунен — эта маленькая пограничная прусская станция, известная разведчикам всего мира! Нет ничего удивительного в том, что КС особенно заинтересовалось письмами. Было решено узнать личность того, кому посылались эти деньги. Вблизи главного почтамта на Мясном рынке, имеется небольшое отделение полиции. Между отделением полиции и окном главного почтамта был проведен электрический звонок, так, чтобы дежурный почтовый служащий, нажимая кнопку, мог подать сигнал в одну из комнат полицейского отделения. Дежурный был проинструктирован, как поступить в тот момент, когда придут за письмами; ему также сказали, чтобы он преднамеренно медлил с выдачей этих писем. Двое агентов дежурили днем и ночью в полицейском отделении, а они всегда были готовы ринуться на почту, когда раздастся звонок, и задержать получателей этих писем. На следующий день звонка не было. Прошла неделя. Молчание. Прошел месяц. Письма еще лежали не востребованными. Прошел апрель; май уже был на исходе. Странно! Никто не требует писем, содержащих 500 фунтов. Но в субботу 24 мая после обеда — звонок. Как на зло, случилось так, что агентов не было в этот момент в комнате. Но все же через несколько секунд они были на почтамте.

— А вы очень медленно шли, — сказал почтовый чиновник, — клиент только что ушел налево.

Сыщики бросились на улицу. Они увидели, что с угла отъезжает такси. Не было никакого сомнения в том, что в этом автомобиле сидел человек, только что получивший письма. Но другого такси не было поблизости; о погоне не могло быть и речи. Эти два агента стояли на месте около 20 минут, обсуждая положение. Наконец, они увидели такси, который медленно ехал по улице. Один из сыщиков посмотрел на такси и вздрогнул. Это была та самая машина, на которой уезжал преследуемый ими человек. Они сели в машину и спросили шофера, куда он отвез их «друга» — человека, которого он посадил здесь на углу минуты 22 тому назад.

— А он поехал в кафе Кайзергоф.

— Хорошо, везите нас туда.

По дороге внимательно осмотрели внутренность такси и нашли футляр от карманного ножика из серой блестящей шерстяной материи. Это было все. Кафе Кайзергоф было

...ти пусто и там не оказалось ни одного посетителя, которого можно было бы принять за нужного им человека. Куда он поехал? Не пересел ли он на другое такси? Агенты остановились на этом предположении. Единственным местом, где предположимый мог найти такси, была остановка, находившаяся недалеко от кафе. На этой остановке они узнали, что с полчаса тому назад один человек нанял такси и поехал в гостиницу Кломзер.

— Везите нас в гостиницу Кломзер.

В этой гостинице агенты спросили у швейцара, приехал ли к ним кто-нибудь на такси в течение последнего часа.

— Да, приехало несколько. Один из комнаты № 4, другой из № 11 и 21 и еще один из № 1. Это был полковник Редль. Но возможно также, что он пришел пешком.

— Полковник Редль? — спросил один из агентов.

— Из Праги, — прибавил швейцар.

Один из сыщиков подал швейцару футляр карманного ножа.

— Возьмите и спросите ваших гостей, не потерял ли кто-нибудь из них этого.

Швейцар взял футляр; как раз в этот момент по лестнице спустился человек в изящном штатском костюме и отдал ключ от № 1.

— Простите, господин полковник, — обратился к нему швейцар, — не потеряли ли вы случайно футляр от своего карманного ножа? — и он протянул футляр полковнику.

— О, спасибо. Да, конечно, это мой, — беспечно сказал полковник, беря футляр. — Где я им пользовался?

Он остановился, и лицо его стало мертвенно бледным.

Он быстро посмотрел на швейцара, который вешал ключ.

Поблизости стоял человек, казалось, погруженный в чтение газеты. Полковник постоял с минуту неподвижно. Появилась ли у него мысль о том, что его преследуют, что он разоблачен после десяти лет предательства?

Он положил в карман футляр, снова медленно посмотрел вокруг себя и направился к двери. Человек, державший газету, стремительно бросился в телефонную будку.

— 12-3-48, — сказал он (этот номер был произнесен скороговоркой, так как это был тайный номер государственной политической полиции).

Тем временем полковник Редль удалялся из гостиницы. Через несколько минут главные работники КС узнали обо всем, что произошло в этот час: о том, что кто-то пришел за обоими письмами с адресом Опера балл, 13 и пытался избе-

жать возможной погони; о том, как нашелся футляр карманного ножика и как было установлено, что он принадлежит полковнику Редлю. Трое чиновников, которые ознакомились с событиями, передавали друг другу это имя с несказанным удивлением.

Их учитель, их первый начальник, их образец!

Может ли быть, что он шпион, изменник?

Капитан Ронг, начальник КС, бросился на почтамт, чтобы произвести расследование. У окна корреспонденции «до востребования» лица, получавшие письма, должны были заполнить анкету (содержание письма, место назначения и по возможности место отправления).

Ему дали анкету, которую заполнил человек, получивший два письма с адресом Опера балл, 13. Он ее забрал с собою в учреждение.

С полки позади своего кресла он вытащил изящную книгу в мастерски сделанном переплете: «Советы по раскрытию шпионажа». Это был рукописный документ в 40 страниц, написанный полковником Редль, — последняя работа, которую он сделал, будучи начальником КС. В ней он на пользу своему преемнику подвел итоги своего опыта, как ловец шпионов. Ронг положил анкету на один из листов рукописи. Да, нет никакого сомнения на этот счет. Почерк человека, заполнившего анкету, был почерком Редля.

Капитан Ронг опустился в кресло и вытаращил глаза, сравнивая почерк в анкете и рукописи.

— Редль! Редль!..

Однако... есть доказательства. Он получал подозрительные почтовые письма с крупными суммами денег. Да, но возможно также, что это не для него, возможно, что он просто оказывает услугу кому-нибудь, заходя за его письмами. Было трудно заподозрить Редля. Потом — 14 тысяч крон! Причем из пограничной станции. Эта поездка из главного почтамта в кафе Кайзергоф и оттуда в гостиницу Кломзер была подозрительной. Вдруг постучали в дверь. Ронг был оторван от своих размышлений.

— Войдите!

Дверь открылась, и в комнату вошел один из сыщиков.

— Есть что-нибудь новое?

— Да, отрывочные сведения, — ответил сыщик с мрачной улыбкой, вытаскивая из своей карманной записной книжки несколько маленьких изорванных клочков бумаги.

В течение получаса Ронг и сыщик складывали клочки бумаги. По окончании этой работы они молча переглянулись.

Да, это было решающим доказательством. Полковник Альфред Редль, начальник штаба 8-го корпуса, был шпионом и предателем!

О чем думал полковник Редль, когда он стоял несколько секунд у дверей гостиницы Кломзер? Он, вероятно, видел все в мрачных красках. Он положил руки в карманы своего жилета. Да, его карманный ножик здесь, а футляра нет. Но каким образом попал он к швейцару?

Да, он пользовался ножиком в такси для того, чтобы вынуть деньги из конвертов. А потом? Любопытно. Какая досада! Опасно. Он был слишком неосторожен.

Потом он, вероятно, понял, что его выслеживают, что его окружают. Он повернул направо и сделал несколько шагов по Герценгассе. На углу Штраухгассе, где находится знаменитое кафе Централь, он украдкой посмотрел вокруг себя. Никто как будто его не преследует. Остановка; тут стоял человек, который читал газету около стола швейцара. Он пришел сюда с одним своим товарищем. Они его видели.

Было трудно предположить, что полковник пытался сбежать. Он должен был разрешить один вопрос. Следят ли за ним? Он чувствовал, что следят. Следовательно, его кто-то выдал или он сам себя выдал. Случай в гостинице показал, что его личность известна его преследователям. Ах, если бы он мог хоть на мгновение сбить их со следа! Ему нужно было основательно обдумать положение, написать несколько писем, пообедать с Поллюком, вернуться в Прагу и потом застрелиться! Он не мог этого сделать без колебаний и вытащил из кармана несколько бумажек. Редль не посмотрел на бумажки, чтобы узнать, что на них написано.

Теперь это не имело значения. Он их порвал на клочки и выбросил. Агенты, конечно, остановятся, чтобы поднять обрывки. Но они этого не сделали, а продолжали следовать за ним. На Конкордиплац стояло несколько такси. Было бы бесполезно сесть в машину, так как преследователи последуют его примеру. Редль продолжал идти пешком, но, бросив взгляд назад, заметил, что один из сыщиков взял такси и уехал. В течение всего дня преследователь неумоимо шел за ним, куда бы он ни направлялся. Когда полковник повернул к своей гостинице, сыщик был от него на расстоянии десятка метров.

Куда поехал второй сыщик? Понятно, что он вернулся для того, чтобы собрать клочки бумаги, которую бросил полковник. Как мы говорили выше, он их повез к капитану Ронгу, начальнику КС. Когда клочки были составлены вместе,

получился текст. Расписка об отправлении денег одному офицеру Уланского полка, чиновнику русской разведки. Три расписки на отправление заказных писем в Брюссель, в Варшаву и Лозанну. Все эти три адреса были хорошо известны КС.

Полковник Редль получил письма, содержащие 500 фунтов, из пограничного русского города. Адрес одного из заказных писем был известен, как объединенный центр русской и французской разведок в Брюсселе. Лозаннский адрес был центром итальянской разведки. Варшавский адрес был одним из главных отделений русской контрразведки.

Получив эту информацию, капитан Ронг пошел с докладом к своему начальнику.

К тому времени полковник Редль добрался до гостиницы Кломзер, где его приветствовал в вестибюле доктор Виктор Поллок, один из виднейших представителей австрийских властей, коллега и сотрудник полковника в судебных процессах о шпионаже. Они были большими друзьями, и приветствия их были сердечны.

— Мы обедаем в Ридльгофе, — весело сказал доктор Поллок.

Полковник извинился и ушел переодеться в вечерний костюм.

Преследующий полковника сыщик подслушал все, что они говорили. Он об этом доложил начальнику и получил соответствующие инструкции. В Ридльгофе агент обратился к управляющему и объяснил ему дело. Потом, переодевшись официантом и прекрасно играя свою роль, он принял обоих гостей и подал им прекрасный обед в отдельном кабинете. Поллок был в веселом настроении, и Редль постарался прежде всего отделаться от осаждавшего его страха. Это последний обед! Эта мысль, вероятно, не покидала его. Он десять лет играл, и вот теперь он проиграл. Надо было со спокойным видом слушать назойливую музыку. Но ему было бы легче перенести все эти испытания в Праге. Поллок мог бы ему помочь. Редль стал говорить своему другу о душевных расстройствах, о моральных ошибках, о разных проступках. Он в самом деле не ответственен за свои действия. Он невменяем. Вероятнее всего, он совершил свои последние действия бессознательно.

Разве Поллок не мог бы ему помочь? Основная задача — уехать в Прагу, возможно быстрее и спокойнее («официант» этого не слышал). Конечно, Поллок был готов кое-что сделать для него. Ему было ясно, что его приятель страдает от серьезного психического расстройства. Он позвонит одному

знакомому и узнает, что можно сделать. Его знакомым оказался господин Гайэр, начальник полиции! Услышав, что вызывают по телефону знакомый номер, «официант» был более чем когда-либо озадачен. Неужели этот известный юрист выполняет здесь обязанности агента?

В половине двенадцатого полковник Редль попрощался с доктором Поллюком, вернулся в гостиницу Кломзер, взял свой ключ и медленно направился в свой номер. В полночь постучали в дверь.

— Войдите!

Открылась дверь, и четверо офицеров в форме вошли в комнату. Редль сидел за столом и писал. Он встал и поклонился.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он медленно и тихо. — Я растратил свою жизнь и пишу прощальные письма. Я надеюсь, что вы мне дадите возможность расстаться с этой жизнью.

— Имеете ли вы соучастников?

— Нет, никаких.

— Размер и продолжительность вашей деятельности?

— Вы найдете все нужные доказательства в моем доме в Праге. Могу ли я вас просить доставить мне револьвер?

Никто из офицеров не имел при себе револьвера, но они обещали полковнику принести оружие. Офицеры шопотом в течение нескольких секунд переговаривались между собой. Потом поклонились и ушли. Через четверть часа один из них вернулся и вручил полковнику заряженный револьвер.

— Спасибо, спокойной ночи.

— Спокойной ночи!

Оставив одного следить за гостиницей, трое остальных ушли в кафе Централь. Они заказали кофе и сидели безмолвно. Человек, стоявший около гостиницы, сменялся каждый час. Так прошла ночь. Было пять часов утра. Одного из преследовавших Редля агентов вызвали в кафе Централь. Ему дали письмо для полковника Редля, поручили отнести его в гостиницу и сказать швейцару, что абсолютно необходимо, чтобы податель лично вручил письмо полковнику.

Агента предупредили о том, что он может не застать полковника в живых. В случае, если он найдет полковника мертвым, он должен был вернуться обратно, не поднимая тревоги. Агент пошел в гостиницу Кломзер. Он постучал в дверь номера и не получил ответа. Сыщик повернул ручку, и дверь открылась. Свет горел. Полковник лежал на полу посредине комнаты. Он, повидимому, пустил себе пулю в лоб, стоя на-

против большого зеркала. Кровь залила ковер. Агент ушел, запер дверь и проскользнул мимо спавшего швейцара.

Через пять минут швейцара разбудил звонок телефона.

— Гостиница Кломзер?

— Да.

— Потрудитесь попросить полковника Редля к телефону вниз.

— Кто говорит?

— Неважно. Делайте так, как я прошу.

Швейцар нашел тело полковника 13 часов спустя после того, как на главном почтамте были получены письма, адресованные Опера балл, 13.

О самоубийстве было немедленно сообщено полиции, и через несколько минут в гостиницу прибыли крупный полицейский чиновник и доктор. Они осмотрели все. Редль умер недавно. Около его правой руки валялся револьвер. На столе лежали два письма: одно на имя его брата, а другое генералу барону фон-Гизлю, командиру 8-го корпуса, и поллиста блокнота, на котором было написано твердым почерком: «Легкомыслие и страсть погубили меня. Молитесь за меня. Я расплачиваюсь жизнью за свои грехи. Альфред».

«1 ч. 15 м. Я хочу умереть. Просьба не производить вскрытия тела».

Через несколько часов тело было увезено из гостиницы, а через два дня полковника Редля похоронили в присутствии одного свидетеля на главном кладбище в Вене — проб 38, ряд 29, группа 79.

Теперь задача властей состояла в том, чтобы раскрыть, в чем заключались преступления Редля. Открытия оказались действительно сенсационными. Одно из предательств Редля несколько месяцев спустя стоило Австро-Венгрии сотни тысяч людей на холмах Северной Сербии.

Через четверть часа после того, как нашли труп полковника Редля, уведомили о происшедшем генерала Конрада фон-Гецендорфа. Не прошло и часа, как комиссия, состоявшая из полковника и майора, выехала специальным поездом в Прагу для производства расследования в доме покойного офицера.

Дом Редля был обставлен роскошной мебелью. Было установлено, что три года назад он купил большое имение. Расписка также показала, что за пять лет он купил не меньше четырех дорогих автомобилей. В Вене полковник имел собственный дом. Было известно, что у него имеются частные средства, но расписки показали, что он жил как сумасбродный миллионер. В его винном погребе нашли 160 дюжин бу-

тылок самого тонкого французского шампанского. Потом из различных документов стало видно, что в течение почти одного только года он получил от России около 60 тысяч крон за свои шпионские услуги. Эта сумма составляла десятикратный оклад полковника, но было ясно, что найденные документы не указывали полностью все полученные суммы, которые, вероятно, были в 5—6 раз больше.

Остатки шпионской информации он выдавал Италии, некоторые материалы шли во Францию, но с этими странами он сносился косвенно. Однако было ясно, что в течение десяти лет он работал как руководящий иностранный шпион для России. Его специальностью было доносить русским властям о шпионах Австро-Венгрии, оперирующих в России.

Свою шпионскую деятельность он начал в 1902 году.

Какие секреты он выдал?

Огромное количество писем, скопированных документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных наметок, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, точных таблиц относительно военного оборудования и т. д. — все это он выдавал почти без исключения. Выдавал России — грозному, возможному врагу! Было также установлено, что на его совести лежало убийство многих австро-венгерских разведчиков, работавших за границей. Некоторые были даже друзьями и коллегами Редля по КС. С легким сердцем он пожертвовал ими для того, чтобы лучше обеспечить свое положение как шпиона на службе России. Трудно вообразить более подлое преступление! Его положение как начальника разведки и контрразведки, которое он занимал с 1900 по 1905 год, позволило ему легко давать информацию другим державам.

Таким образом, предварительное спешное расследование обнаружило массу фактов беспримерного предательства. Оно выявило, что все военные секреты Австрии были проданы.

«План 3I» — мелькнуло в голове главнокомандующего армии, когда он услышал об измене Редля. Это был полный план военных действий против Сербии, в случае, если Австро-Венгрия будет воевать с этой страной. Там были указаны все подробности, вплоть до последнего человека и до последней пушки: способ передвижения необходимых сил, расположение одних единиц, мобилизация других; в каких пунктах произойдет атака на Сербию и т. д. Все это было подробно изложено в таблицах, схемах, чертежах, картах. «План 3» был шедевром генерального штаба австро-венгерской армии.

Говорят, что в 1870 году спящего Мольтке разбудили для того, чтобы сообщить ему об объявлении войны Франции.

— Возьмите дело номер такой-то с полки номер такой-то и поступайте согласно инструкциям, которые вы там найдете, — ответил он, повернулся на другой бок и снова заснул.

Конрад фон-Гецендорф хотел быть вторым Мольтке. Когда грянет австро-сербская война, которую он считал неизбежной, ему достаточно будет просто произнести: «План 3», и один из лейтенантов генерального штаба сумеет провести всю кампанию. А Редль продал этот план России! Это означало, что сербы теперь знают все об этом плане.

Фон-Гецендорф знал, что ему придется переделать весь этот обширный и сложный план. Дело это было страшно трудное, так как план воплощал в себе всю военную мудрость двойственной монархии. Он мог подвергаться изменениям, но его основные черты должны были остаться в общем те же. Сербский генеральный штаб догадывался о намерениях австро-венгерского генерального штаба. Штаб изучал «план 3» в течение многих месяцев. Он давно его знал наизусть. Он мог легко предвидеть, какого рода изменения произойдут. Что сербский главнокомандующий хорошо использовал свое знание австро-венгерского плана, это обнаружилось в первой же стадии великой войны. К изумлению всего мира, маленькая сербская армия предупредила не одно, а три нашествия австро-венгерской армии.

Три раза австро-венгерская армия применяла различные варианты «плана 3»; и три раза Сербия отражала натиск и наносила тяжелые удары захватчикам.

Одним из наиболее замечательных открытий, сделанных при осмотре бумаг Редля, было его предательство по отношению к одному русскому полковнику. Герцог Франц Фердинанд был с визитом в Петербурге и встретил хороший прием в русском дворе и у русских государственных деятелей. Он попросил австро-венгерского военного атташе, сопровождавшего его на обратном пути до Варшавы, сократить до минимума шпионаж в России, с тем чтобы не раздражать русских. Военный атташе покинул поезд в Варшаве, где он остался на два дня. В этом городе к нему пришел русский полковник, который предложил ему целый план военного нападения России на Германию и Австро-Венгрию. Вопреки инструкциям законного наследника, атташе не мог отказать себе в такой интересной сделке и договорился с русским полковником.

Узнав об этом, Редль немедленно вмешался. Конечно, эти планы попали к нему первому в руки, так как он был началь-

ником разведки и контрразведки. Для этого учреждения он подменил настоящий план с целью показать, что атташе в Петербурге был обманут. Атташе был отозван, Редль вернул России настоящий план, который видел только он и петербургский военный атташе. Русским властям он сообщил имя предателя полковника, продавшего план. Полковник покончил самоубийством, узнав, что его предательство раскрыто. За это дело Редль получил 4 тысячи фунтов.

В этом случае Редль оказал большую услугу России. Он не только держал русские планы в секрете от Германии и от Австро-Венгрии, но также скрывал от них свою осведомленность о военных силах России, о наличии в ней значительного количества корпусов. Много лет спустя один известный австро-венгерский государственный деятель заявил: «Если бы генеральный штаб двойственной монархии знал о существовании этих корпусов, наши генералы считали бы большой опасностью придираться к России, и они смогли бы воздействовать на наших придворных, чтобы не втянуть нас в войну 1914 года. Отсюда — наша военная лихорадка и наше поражение. Этот негодяй Редль доносил России обо всех австро-венгерских разведчиках и выдавал наши секреты русским».

Самым крупным шпионским делом, в котором был замешан полковник Редль, является известное сенсационное дело Гекайло — Венчковский — Ахт, трагическую историю которого я впервые сообщаю полностью. Документы, найденные в доме Редля, показали, что он чуть не был выдан в самом начале его шпионской и предательской карьеры. Только его хладнокровие и большое мастерство, с каким он играл свою двойственную роль шпиона и преследователя шпионов, вывели его из чрезвычайно трудного и опасного положения. Даже юрист, который вел дело, чуть было его не заподозрил. История эта полна примерами нечеловеческой жестокости. В 1903 году, как только Редль стал работать в пользу России, арестовали одного молодого человека, по имени Гекайло, секретаря военного учреждения в Лемберге, по обвинению в растрате казенных денег. По расследовании он был выпущен на свободу и немедленно уехал за границу. Через два месяца полковник (тогда майор) Редль посетил доктора Габердица, известного венского адвоката, обычно выступавшего в военных процессах. Доктор Габердиц занялся расследованием дела Гекайло и был крайне удивлен, услышав, что Редль обвиняет его в шпионаже в пользу России и в том, что он, по всей вероятности, выдал планы совместных действий Германии и Австро-Венгрии при нападении на Россию через Торн. Редль заявил, что он

открыл вероятное местонахождение Гекайло благодаря перехваченному письму, которое Гекайло послал одному своему приятелю в Лемберге и из которого было видно, что автор письма поселился в Куритибе, в Южной Бразилии, под именем Карла Вебера.

И вот затребовали выдачи Гекайло под предлогом, что он совершил крупные кражи (само собой разумеется, что его нельзя было вытащить из Бразилии по обвинению в шпионаже). Гекайло был предан суду в Вене. Редль предъявил веские доказательства против него — фотографии, письма, чертежи и другие документы, посланные по адресу г-вын-антки, жившей в семье одного офицера русского генерального штаба в Варшаве. Среди документов было доказательство того, что упомянутый план был изменнически выдан. Редль заявил, что было израсходовано около 30 тысяч крон для получения этих доказательств.

Габердиц и Редль сделали много попыток, чтобы заставить Гекайло признаться. Все было напрасно. Наконец, на один вопрос, который ему задал Редль, обвиняемый ответил:

— Майор, как мог я иметь эти планы? Только тот, кто сидит в генеральном штабе в Вене, мог их получить и продать русским.

Гекайло не знал, что он говорил почти правду.

Под сильным давлением Гекайло упомянул имя одного майора — Реттера фон-Венчковского, находившегося в Бреславле. На следующий день Редль и Габердиц поехали в Бреславль и арестовали майора фон-Венчковского. При нем нашли множество документов, которые навели на след другого человека, капитана Ахта, личного адъютанта военного губернатора Лемберга. Когда все трое были посажены на скамью подсудимых и когда дело приобрело характер сенсации (подробный доклад был приготовлен специально для императора), Редль внезапно переменял позицию и, поскольку дело касалось Венчковского и Ахта, превратился почти в их защитника из эксперта и свидетеля обвинения, каким был до этого. В результате отношения между Редлем и Габердицом стали менее дружественными и под конец такими натянутыми, что адвокат пошел к начальнику Редля и выразил ему свое подозрение, прося, чтобы в деле выступал кто-нибудь другой вместо Редля. Но подозрения адвоката были встречены насмешкой. Две недели спустя Редль снова переменял позицию и опять стал безжалостным обвинителем подсудимых. В конечном итоге обвиняемые были осуждены: один на 8 лет, а двое других на 12 лет тюрьмы каждый.

Почему же Редль дважды менял свою позицию в течение этого процесса? Объяснение этому мы находим в бумагах, обнаруженных в доме Редля. Это жуткая история. Планы были проданы России Редлем. В добавление к своему «гононару» он просил, чтобы русские дали ему возможность создать крупный процесс о шпионаже в Вене. Причина такого желания легко объяснима. С отъездом Гекайло в Бразилию он больше не был нужен русской разведке. Тогда русские просили Редля на след Гекайло и доставили ему необходимый материал для того, чтобы уличить Гекайло в измене. 30 тысяч крон, которые, по словам Редля, были истрачены на получение доказательств, на самом деле пошли в карман Редля. Но с русской точки зрения дело приняло излишне серьезный и тяжелый оборот, поскольку в нем были замешаны Венчковский и Ахт, два лучших разведчика, работавших для России во всей пограничной полосе. Русский военный атташе в Вене зашел к Редлю и сказал ему, что он обязан обеспечить оправдание этих двух офицеров. В противном случае...

Редль знал, что со стороны своих русских хозяев он не мог рассчитывать на милосердие и поэтому, как уже было сказано, попытался повлиять на суд в пользу Венчковского и Ахта. Но он убедился, что ничего не сможет сделать, и ему пришлось договориться с русскими. Он маневрировал. Русские согласились пожертвовать этими двумя офицерами. На каких условиях?

На суде, когда дело подходило к концу, Редль сослался на один обвиняющий документ, который, сказал он, достался ему дорогой ценой. Один русский майор (из русского генерального штаба в Варшаве) ему его прислал.

— Этот майор, — прибавил Редль, — сделал много хорошего для Австрии, но так как кража была обнаружена у майора, то он предстал перед военным судом, был уличен и повешен.

В действительности произошло следующее. Чтобы побудить русских согласиться на осуждение Венчковского и Ахта, он выдал одного разведчика варшавским военным властям и представил доказательство его виновности. Майор был тем человеком, которого Редль выдал (одним из его же работников), который усердно делал много хорошего против русских для Австрии и которого Редль послал на смерть в силу этого подлого соглашения.

Таковы некоторые из интриг разведческой работы.

РАЗВЕДЧИКИ, КОТОРЫХ Я ВСТРЕЧАЛ

В начале весны 1915 года, во время своей военной службы, я был прикреплен к контрразведке при генеральном штабе.

В этот период я вступил в борьбу с одним известным разведчиком по имени Пьер Ротгойт, бельгийцем, одним из немногих, если не единственным, который никогда не был арестован во Франции гражданской полицией по обвинению в шпионаже.

Всеми разведчиками, если они попадались во Франции, занималась военная контрразведка. Но случай с Ротгойтом был необычным, так как это был один из немногих гражданских разведчиков, которые, находясь под наблюдением, не были захвачены позади наших английских линий.

Он, вероятно, много путешествовал по Франции, хотя точно его маршруты не были установлены. Но когда он поехал в Англию, там он скоро попался.

Помню, что однажды я получил инструкцию выследить его в Газебруке. В то время я выполнял обязанности курьера связи. Эта маскировка мне нравилась, так как повязка на моей руке позволяла мне ехать куда угодно, лишь бы мой мотоцикл был в порядке.

Моя первая поездка по следам этого с виду невинного виоторговца привела меня в маленькую деревню Нер Беркэн — в то время чрезвычайно важный пункт, так как там находился большой склад тракторов и тяжелых орудий; другими словами, это был артиллерийский парк нашего самого последнего вооружения. Ротгойт всегда ездил на двуколке, запряженной маленькой лошадей, и я выслеживал на мотоцикле все его передвижения.

Другой раз я его застал в Армантьере. Согласно моим наблюдениям, выручка была слишком мала по сравнению с интересом, который он проявил относительно наших военных расположений по своему пути. Однажды я заметил, что он остановил свою лошаду, как будто для отдыха, около одного из наших больших аэродромов. Он, вероятно, запомнил много вещей, и если только было бы можно секретно передать их, то они составили бы первоклассную информацию для германских хозяев в Голландии.

После моего доклада наша контрразведка стояла за его немедленный арест. Но когда хотели задержать шпиона в присутствии двух бельгийских чиновников, приказ об аресте

ыл отменен безо всякого дальнейшего объяснения. В тот момент это меня задело, и мне казалось, что наши власти делают большую глупость, выпуская из своих рук опасного преступника. Но в свете последующих событий я понял, что поведение властей было более чем правильным.

Прежде всего, было трудно доказать военному трибуналу, что Ротгойт — разведчик.

В то время надзор не был таким строгим, каким он стал впоследствии. Бумаги его были в порядке. Нельзя было также сказать, что он брал заказы на вино везде, где только проходил. Дальше — он был достаточно ловок, чтобы не делать никаких записей. Самое большое наказание, которое можно было ему дать, если бы он был арестован, — это высылка из военной зоны. Но это сразу дало бы ему понять, что он находится под подозрением. Таким образом, еще раз применили тактику: «дать ему достаточно веревки, чтобы он повесился сам». Эта тактика дала ожидаемые результаты.

Я больше никогда не видел Ротгойта, но позже узнал все о нем. Он пробрался какими-то путями в Англию, где продолжал свою шпионскую работу, состоя на службе в бельгийском вицеконсульстве в Фолкстоне. Тут его арестовали. Ни на одну минуту наша контрразведка не выпускала его из виду. Ему дали возможность оставаться в счастливом неведении относительно того, что каждое его движение на учете и что вся его переписка перехватывается и исправляется сообразно с нашими целями.

Когда его арестовали, он, как все наемники его типа, упорно твердил о своей невинности. Но преступление было слишком очевидно. Его предали бельгийскому трибуналу в Гавре, где находилось тогда бельгийское правительство, по обвинению в измене отечеству. Обвинение было доказано, и он был осужден на смерть, но смертная казнь была заменена вечной каторгой.

*
*
*

Я говорил о довоенных разведчиках. Я также говорил о разведчиках, действовавших против моей страны во время войны, но послевоенные разведчики меня не интересуют. Эта отрасль шпионажа не входит в сферу моей книги.

В нашей стране нам до сих пор очень мало говорили о действительных разведчиках войны. Это, несомненно, объясняется тем, что те, которые могли бы писать, не желают по той или иной причине изложить свой личный опыт. Можно об этом

пожалеть, так как от этого человечество лишается познания большой и интересной области жизни.

Время от времени в печати появлялись рассказы о разведчиках, исходившие от так называемых авторитетных лиц, но источник информации не указывался. По-моему, это нечестная попытка вводить людей в заблуждение.

После этих замечаний я перехожу к перечню разведчиков, которые были арестованы у нас за время войны. Из этой группы только один заслуживает восхищения. Это Карл Ганс Лоди, о котором я говорил в другой главе.

А остальные? Вот полный список их с финалом их служебной карьеры:

Антоний Кюпферле, немец, покончил самоубийством.

Карл Фридрих Мюллер, русский, расстрелян.

Петер Ганс, немец, семь лет каторжных работ.

Роберт Розенталь, немец, расстрелян.

И. Т. Линкольн, венгерец, выслан.

Конрад Лейтер из Южной Америки, интернирован.

Фредерик Паркер Дунбар, немец, интернирован.

Лиза Блюме, немка, интернирована.

Барон Отто фон-Гумменберг, немец, интернирован.

Янсен, голландец, расстрелян.

Рус, голландец, расстрелян.

Бреков, немец, расстрелян.

Мисс Лиза Вертгейм, немка, вечная каторга.

Фернандо Бухман, немец, расстрелян.

Августо Альфредо Роген, родом из Южной Америки, расстрелян.

Эрнест Вальдемар Меллин, швед, расстрелян.

Лудовико-Гурвиц-и-Зендер, родом из Южной Америки, расстрелян.

Ирвинг Ги Раес, американец, расстрелян.

Куртене Деризбак, австриец, натурализованный англичанин, вечная каторга.

Альберт Мейер, еврей, расстрелян.

Капитан Ганс Бем, немец, интернирован.

Мадам Попович, сербка, интернирована.

Кеннет Траест, американец, вечная каторга (после двухлетней каторги сослан).

Иосиф Маркс, родом из Эльзаса, немецкого происхождения, пять лет каторги.

Ева де-Бурневиль, шведка, вечная каторга.

Гертруда Эвелин, немка, интернирована.

Барон Луи фон-Горст, немец, интернирован.

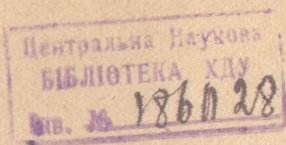
Лириан Скотт Трой, американец, сослан.
Адольфо Гереро, испанец, десять лет каторги.
Реймонд Амондариан, испанка, сослана.
Иоган Христиан Целе Лассен, датчанин, сослан.
Аксель Гребст, немец, интернирован.
Пьер Ротгейт, бельгиец, вечная каторга.
Альбертина Станавей, бельгийка, интернирована.
Джордж Во Бекон, американец, сослан.
Рутледж Рутерфорд, американец, избежал ареста.
Альфред Хагн, вечная каторга.

Это большое число разведчиков Германия завербовала для работы против одной только Англии. Этот список не включает тех разведчиков, которые работали для нее во Франции, в Америке и в других странах. Германия почти во всех случаях либо была бита, либо ее планы были расстроены. Исключая ее военных разведчиков, захваченных позади наших линий на фронте, имеется только двое разведчиков, действительно достойных удивления. Все остальные были люди корыстные, работавшие в большинстве случаев за стандартное вознаграждение в 30 фунтов в месяц. Таков тип разведчика довоенной Германии, с помощью которого рассчитывали добыть наши морские и военные секреты, хранившиеся в глубокой тайне.

Германия недооценивала нашу контрразведку.

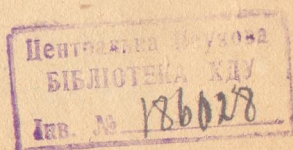
Ее разведка была той чекой, которой она пользовалась для того, чтобы поддержать силу своей мощной военной машины. Эта же чека приблизила час испытания и разрушила машину.

Что касается нас, то мы воспользовались их непростительными ошибками. Мы побили врага его же собственным оружием.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	3
<i>Глава I.</i> Моя работа в разведке	5
<i>Глава II.</i> Тайное отправление британского экспедиционного корпуса	12
<i>Глава III.</i> Позади германских линий	14
<i>Глава IV.</i> Как я в первый раз поймал разведчика	19
<i>Глава V.</i> Разведчик со шрамом на лице	23
<i>Глава VI.</i> Шпионаж в морских портах	29
<i>Глава VII.</i> Как мой друг „Капитан“ содействовал разгрому германской тихоокеанской эскадры	32
<i>Глава VIII.</i> Как британская разведка добыла знаменитое письмо Циммермана	37
<i>Глава IX.</i> Секретные поручения, выполняемые подводными лодками	43
<i>Глава X.</i> Шпионаж с помощью самолета	48
<i>Глава XI.</i> Новый арест немецких разведчиков в Англии	55
<i>Глава XII.</i> Знаменитые женщины-разведчицы	58
<i>Глава XIII.</i> С секретными поручениями внутрь Германии	66
<i>Глава XIV.</i> Как я задержал „американского полковника“	69
<i>Глава XV.</i> Как русский разведчик обманул Турцию	74
<i>Глава XVI.</i> Общие замечания о шпионской работе. Шпиономания	78
<i>Глава XVII.</i> Крылатые курьеры разведки	84
<i>Глава XVIII.</i> Таинственный цеппелин и разведка в Восточной Африке	86
<i>Глава XIX.</i> Контрразведка генерального штаба и сражающиеся солдаты	100
<i>Глава XX.</i> Американская разведка	104
<i>Глава XXI.</i> Батарея „Л“ у Нэри	118
<i>Глава XXII.</i> История одного довоенного разведчика	121
<i>Глава XXIII.</i> Разведчики, которых я встречал	138

Редактор батальонный комиссар *Мурашев*
Технический редактор *Галин*
Корректоры: *Себрякова, Шмидт*

Сдано в производство 16.8.38
Подписано к печати 25.11.38

Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Объем 9 печ. л., 8,43 уч.-авт. л.
В бум. листе 146 432 знака

Уполн. Главкита № Г—10037
Издательский № 452. Заказ № 571

Текст отпечатан на бумаге Канского бумкомбината

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР,
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

MS6-129

Deer sign

130-140

100-110

100-110

20-20

1111111111

